

УДК 821.133.1-2“18”-“19”

DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.06

О.В. Тимашева,

В.В. Алексенко

Фрейд *монастырь* в пьесе Ж. Бернаноса «Диалоги кармелиток»

В настоящей статье пьеса Жоржа Бернаноса «Диалоги кармелиток» представлена как часть творчества писателя-католика. Концептосфера автора и выделенный фрейд *монастырь* помогают рассмотреть экзистенциальную (на пороге смерти) ситуацию в монастыре кармелиток. Акцентируя внимание на высокой организации и моральной стойкости монахинь, автор подчеркивает поистине героическое противостояние слабых женщин силам зла.

Ключевые слова: католический автор; психоментальная сфера; авторская концептосфера; фрейд; когнитивная структура.

Жорж Бернанос принадлежит к группе так называемых католических авторов (Франсуа Мориак, Поль Клодель, Жюльен Грин и др.) Это не значит, что писатели проповедуют религиозные идеи католицизма, скорее, наоборот, они подчеркивают усталость и разочарование современников во множестве высоких истин и потому как бы проверяют своими текстами состоятельность отдельных его идей. В начале своего творческого пути Жорж Бернанос был способен увлечь очень разных молодых людей, объявляя активную борьбу с Сатаной («Под солнцем Сатаны», 1926; «Дневник деревенского кюре», 1936; «Новая история Мушетты», 1937). Он выступал против всяких проявлений зла, против активного невежества и растлевающей человеческое начало нищеты. На короткое время он вступил в партию «Аксьон франсез», но потом порвал отношения с активными ее членами, правыми экстремистами и роялистами, и его творчество эволюционировало в сторону социалистических идей.

Однако последнее его произведение — пьесу «Диалоги кармелиток» (1949) — роялисты, безусловно, приветствовали, поскольку здесь затронута негативная сторона Великой Французской революции. Бернанос написал эту пьесу по мотивам романа немецкой писательницы Гертруды фон Лефор «Последняя на эшафоте» (1948). В этом романе, как потом и в пьесе французского автора, речь идет не столько о гильотине, без усталости работавшей в дни Великой Французской революции, хотя и о ней тоже, сколько о внутреннем мире новоиспеченной кармелитки — монахини Бланш. Идея Бога еще не помогла ей выстроить свой собственный мир. Вероятно, именно эта последняя

мысль о становлении человека в монастыре была созвучна размышлениям писателя и драматурга Бернаноса. Реализуя свой замысел, он как и в прочих своих романах, ничего категорически не доказывает, никого ни в чем специально не убеждает. Ему важно задеть своими мыслями, возможно, даже грешными, тонкие струны человеческих сердец. При этом он не раз подчеркивает, что святые в его произведениях — это особенные люди, бесстрашно противостоящие наиболее естественным и потому как будто более простительным грехам. Возможно ли такое?

В начале XX в., после постепенного привыкания большей части социума к мысли об отделении церкви от государства, в некоторых кругах усилились религиозные воззрения, принимавшие порой доходящий до пуританизма характер. «Согласно пуританскому мировоззрению человек должен стойко принимать все ниспосланные ему тяготы и невзгоды, являть собой стойкость и добродетель, верить в промыслительность происходящего» [3, с. 8–17]. Орден кармелиток изначально, еще в XV в., был призван по определению вершить духовное руководство женщинами-отшельницами, добровольно принявшими затворничество и практику молчания. Именно эти две последние добродетели способствуют обретению настоящей веры. Поиск истинной веры и святости в их современном проявлении привел Бернаноса к сюжету о кармелитках.

Благоразумные рассуждения священников не нравятся Бернаносу, он полагает, что вера сегодня это вовсе не благоразумие людей «примитивного образа жизни и простого ума», а, наоборот, безумие, лихорадочное раздражение одиноких индивидуальностей. Очень трудно человеку без опоры на веру защищать свою свободу и достоинство, можно лишь робко надеяться, что они вдруг смогут стать залогом свободы и достоинства других. Однако говорить о них необходимо страстно и яростно. Автор во многих своих произведениях воздействует на своих читателей убеждением в правдивости рассказанных им историй, ритмом повествования, поэтическим видением. В «Диалогах кармелиток» его волнует «святость» избранной им героини монахини Бланш, которую он, как и многих других своих героев, проводит «через искушение отчаяньем», склоняющим отказаться от идеи Бога вообще.

Обозначив атмосферу пьесы «Диалоги кармелиток» и авторскую позицию Бернаноса, попробуем разобраться с позиций лингвокультурологии в том, что есть монастырь для пребывающих в нем монахинь и как его понимает автор. Поскольку сознание писателя, выраженное рядом концептов, получает свою репрезентацию в произведениях, то надо их охарактеризовать. Как писал С.А. Аскольдов, «в отличие от познавательных художественные концепты — концепты познания общества, концепты искусства» [2, с. 267–279]. По определению Л.В. Миллер, «художественный концепт — сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и зафиксированному в психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества универсальному художественному опыту, способному выступать

в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [5, с. 41–42].

Между концептами существуют разнообразные связи, определяемые уровнем культуры человека. Совокупность индивидуальных художественных концептов образует концептосферу автора. Какова она в нашем случае, если иметь в виду ряд вышеназванных произведений Бернаноса? Это прежде всего его любимый мир абсолютот (абсолютных истин); бескомпромиссные «правила чести», но это также «страх» (перед бытием), «вера» (как «мучительная болезнь») и полное одиночество. «Я... очень одинокий человек. Есть много других одиноких людей, свободных людей, не имеющих, правда, тех же средств, что даны писателям... Вот почему, обращаясь не только к партии, но ко всем людям, бредущим стадом, я скажу, не повышая голоса и не думая их провоцировать, что они могут гоготать, бляеть, ржать, мычать или реветь на пороге моего одиночества: они в него никогда не войдут» [4, с. 107].

Бернанос защищал катехизис (наставления) своего детства и следовал при этом правилам чести. Его, человека первой половины XX в., осаждали проблемы экзистанса, одинокого существования, страха перед бытием. Как писатель, он отстаивал свободу суждения, и мир абсолютных истин был для него важнее просто насмешек над сегодняшним днем. Холодная ирония — это «орудие Сатаны».

Оставим в стороне тонкости восприятия мира Жоржем Бернаносом и сосредоточимся на формальном изображении мира кармелиток в пьесе, получившей громкий резонанс еще и во многом благодаря созданной по либретто Бернаноса одноименной опере Пуленка, чья музыка охватила широкие круги зрителей во всем мире.

Если фрейм — это структура, когнитивное образование, содержащее некоторую информацию (знание и ожидания), перспективу восприятия, дающее формальное определение ситуации, способность «собирать мир», проиллюстрируем его с помощью когнитивной модели «монастырь», демонстрирующей христианский образ жизни монахинь, устройство их быта, традиции в одежде, дневной распорядок, строгую иерархию и следование уставу. Как известно, монастырь во времена Средневековья воспринимался как образ Царствия Небесного, как Иерусалим, монахи (монахини) уподоблялись ангельскому чину. В пьесе Ж. Бернаноса монастырь рассматривается как отдельный мир, буквально отрезанный от грешного мира незримой границей, однако от жизни всего социума ему не уйти. В авторской ремарке ко второй картине (6-я сцена) читаем:

«Близ галереи, у того места в монастырской стене, куда вделана вертушка (своего рода почтовый ящик) для поступлений извне. Бланш и совсем юная сестра Констанция от Святого Дионисия забирают провизию и разные вещи, которые передает им монахиня, назначенная служить связной между монастырем и окружающим миром» [1, с. 20] (здесь и далее курсив мой. — О. Т.).

Что такое здесь вертящийся круглый ящик в понимании обычного человека? Это место для посылок и писем. Любые предметы, попадающие в монастырь, несут информацию из «другого мира», а вертушка (почтовый ящик) — искусственно сдерживаемый, но все же существующий, нескудеющий ручеек. Правда, он напрямую доступен лишь одной-двум монахиням. Монастырь — это дом молитвы. Именно молитва оправдывает существование этого обособленного мира монахинь, и характеристика его границы в виде вертушки буквально показывает читателю возможный вход в монастырь. В данном случае следует подчеркнуть, что кармелитки — затворницы, *затворничество* — особенная добродетель.

Вторая картина пьесы содержит характеристику *внутренней жизни монастыря*, в ремарке к 3-й сцене читаем:

«...центральный коридор на втором этаже монастыря. В этот слабо освещенный коридор выходят все *кельи*. Звонит *колокол* — это знак гасить огни» [1, с. 19].

Колокольный звон — в монастыре, где царит тишина, имеет важное значение. Тембр и характер звона дают понять, что следует монахине делать.

Содержание пятой картины, сцены 12, знакомит читателя с предметами обихода в монастыре. Кельи монахинь обставлены скромно: *тюфяк и наложь, высокий столик с покатым верхом, на который кладут иконы и книги*. Несмотря на достаточно простую обстановку, келья для монахинь является самым дорогим сердцу жилищем: «А почему вы сказали “моя келья была”? Зачем говорить о нашем милом доме так, словно мы никогда туда не вернемся?» [1, с. 60].

Итак, монастырь со стороны напоминает обыкновенную постройку, своего рода общежитие, но на самом деле это тонко и грамотно продуманное специальное жилище. В нем не живут поодиночке, а живут в осознанно молящейся группе. В системе взаимодействия молящихся можно подчеркнуть *высокую организацию и четкое распределение обязанностей*. Данное сравнение справедливо, потому что терпимость, трудолюбие и слаженность в работе являются отличительными чертами монахинь.

Франсуа Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» изображает свой идеал общественного устройства — Телемское аббатство. В нем нет церкви, нет распорядка дня, нет дисциплины, нет обязательного труда, нет границ, отделяющих от внешнего мира. В этом монастыре есть только *свобода*. Так хотелось великому представителю Ренессанса.

Однако Ж. Бернанос, спустя несколько веков, видит *свободу* обитательниц монастыря в их обязанностях. Автор считает, что именно в высокой организации можно прийти к настоящей вере и побороть свои страхи. Поэтому он создает свой образ монастыря, во главе которого стоят *труд и четкое распределение обязанностей*.

Уклад жизни в монастыре имеет свою специфику. Этому посвящены сцены 8–15 в 3-й картине пьесы. У каждой монахини есть свои *обязанности*.

В зависимости от индивидуальных качеств они трудятся в прачечной, шьют, гладят вещи утюгом, собирают урожай:

«В саду. Монахини собирают урожай. Констанция сидит на дереве и ест сливы» [1, с. 39].

Каждое общество характеризуется своим *укладом*. В различных жизненных ситуациях монахини ведут себя согласно установившемуся порядку. Например, в случае смерти настоятельницы они избирают новую настоятельницу, приносят обет. Как и в любом социуме, в монастыре существует устав. Среди католических орденов устав кармелиток признан одним из самых строгих.

Одежда монахинь также проста и незамысловата: черное покрывало. Только при обряде пострижения монахини надевают белые накидки.

Внешний облик монахинь раскрывают следующие цитаты из пьесы:

«За занавеской мать Мария от Воплощения; на лице ее густое покрывало» [1, с. 33].

«На пороге стоит монахиня. Лицо ее трудно разглядеть сквозь длинное покрывало» [1, с. 36].

«Все монахини были под длинными покрывалами» [1, с. 19].

В данном случае имеется в виду клобук — головной убор, состоящий из расширяющегося кверху цилиндра и покрывала, которое ниспадает на плечи и спину до пояса и имеет три длинных конца, знаменующих благодать, покрывающую помыслы затворницы.

Монастырь — отдельный город, в котором существуют *социальные отношения* и *иерархия*. В пьесе приводятся примеры соблюдения *иерархии монахинь* путем разделения на сильных и слабых, мудрых и «детей» (послушниц):

«В Общине всегда есть сильные и слабые, те и другие одинаково необходимы» [1, с. 46].

«Если сила — это добродетель, то такой добродетели не может хватить на всех, что сильные сильны за счет слабых и что во всеобщем искуплении со слабости будет, наконец, снято проклятие» [1, с. 53].

Описание образа жизни сестер-монахинь, принесших обет служения Богу, ведущих аскетическую жизнь в специальном монастыре, подчеркивает, что для них важно соблюдение католических обрядов, регулярное участие в литургиях, христианское восприятие событий напряженной современной жизни вне монастыря. В конце пьесы в ответ на приказ отменить монашеские обеты община отвечает торжественным *обетом мученичества*. В данном произведении одной из составляющих *фрейма монастырь* выступает *ментальность монахинь*: «Наше дело — молиться, как дело лампы — светить» [1, с. 4].

Особого внимания заслуживает *христианская идея синтеза времени и вечности*. Духовный текст молитвы является обязательным вне зависимости от политических условий. Духовная семантика литургических разделов в «Диалогах кармелиток» характеризует основную составляющую бытия монахинь.

Орден кармелитов внутри католической церкви занимает определенное место. Для русского слуха нет большой разницы между францисканцами, доминиканцами, иезуитами, кармелитами. Однако еще раз подчеркнем, что устав кармелитов крайне строг и придает большое значение аскезе, включая в себя даже ограничение словесного общения. В Германии, Бельгии и Нидерландах кармелиток называют бегинками. Женщины и девушки, входя в монастырь, отдают ему все свое состояние, иногда очень большое. Желание благочестия и духовного руководства делает их отшельницами, живущими в постоянном затворе и непрестанной молитве.

Интересные описания женских монастырей этого ордена можно найти в следующих романах: В. Гюго «Отверженные» (Козетта растет у кармелиток в Париже, где Жан Вальжан работает садовником); А. Дюма «Три мушкетера» (Миледи останавливается в монастыре кармелиток); Ф. Малле-Жорис «Укрепление бегиннок» (*Le rampart des Béguines*), автор повествует о жизни известных монахинь-кармелиток в монастыре, называемом бегинажем. Однако у Ж. Бернаноса мы встречаем наиболее яркие характеристики жительниц монастыря, женщин ордена кармелитов (кармелиток).

Таким образом, анализ фрейма *монастырь как когнитивной структуры, организующей ментальное пространство* в пьесе Ж. Бернаноса «Диалоги кармелиток», позволяет сделать вывод о том, что он способствует авторскому суждению о монастыре и кармелитках, пониманию читателями и зрителями множества стоящих за ним личных и общественных проблем.

Библиографический список

Источники

1. Бернанос Ж. Диалоги кармелиток / пер. Ю. Гинзбург. М.: Иностран. лит., 1993. 163 с.

Литература

2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. 320 с.
3. Афанасьева О.В. Эволюция грешного священника в новелле Н. Готорна «Черная вуаль священника» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1 (29). С. 8–17.
4. Бреннер Жак. Моя история современной французской литературы / пер. О. Тимашевой. М.: Высш. шк., 1994. 352 с.
5. Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2003. С. 156.

References

Istochniki

1. Bernanos Zh. Dialogi karmelitok / per. Yu. Ginzburg. M.: Inostr. lit., 1993. 163 s. Istochniki.

Literatura

2. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M.: Academia, 1997. 320 s.

3. Afanas'eva O.V. E'volyuciya greshnogo svyashhennika v novelle N. Gotorna «Chernaya vual' svyashhennika» // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 1 (29). S. 8–17.

4. Brenner Zhak. Moya istoriya sovremennoj francuzskoj literatury' / per. O. Timashevoj. M.: Vy'ssh. shk., 1994. 352 s.

5. Miller L.V. Xudozhestvennaya kartina mira i mir xudozhestvenny'x tekstov. SPb.: Filol. fakul'tet SPbGU, 2003. S. 156. Brenner Zhak. Moya istoriya sovremennoj francuzskoj literatury' / per. O. Timashevoj. M.: Vy'ssh. shk., 1994. 352 s.

*O.V. Timasheva,
V.V. Aleksenko*

The Frame *Monastery* in the Play «Dialogues des Carmélites» by G. Bernanos

In this article, a play Dialogues of the Carmelites by Georges Bernanos is described as part of the oeuvre of the Catholic writer. The author's sphere of concepts and the frame of *a monastery* make it possible to review an existential (on the verge of dying) picture at the monastery of Carmelite nuns. With a particular focus on high self-discipline and moral stamina of nuns, the author emphasizes the heroic confrontation of the gentler women with evil forces.

Keywords: catholic author; psychometric sphere; author's sphere of concepts; frame; cognitive structure.